

М. И. Черемисина

О СИСТЕМНОСТИ В СФЕРЕ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(на материале языков Сибири)

Моделирование синтаксических объектов уже более тридцати лет является предметом теоретических дискуссий и ареной практических экспериментов. За это время не раз менялись подходы к этой задаче, менялись представления о том, какие синтаксические объекты и какие их стороны подлежат моделированию, и о том, от каких признаков объектов можно отвлекаться и какие нужно удерживать в качестве инвариантных между объектом и его модельным отображением, чтобы модель обеспечивала проникновение в глубины исследуемого материала.

Модели, которые разрабатывались в 50 – 60-е гг. в рамках структурной, а затем и математической лингвистики, были связаны с "грамматиками зависимостей и непосредственно составляющих". Они поставили перед наукой много новых задач. Но в те годы само понимание смысла моделирования в лингвистике, а потому и его принципов, было иным, чем сейчас; и объекты моделирования, и научная значимость его результатов виделись довольно смутно.

На первых порах модели синтаксических объектов представляли собой отображения поверхностных структур предложения или словосочетания. Они фиксировали связи между компонентами синтаксических построений, представляя последние как иерархию последовательно подчиненных форм. Модели выглядели тогда как последовательно иерархические структуры-деревья. Главным достижением моделирования на этом раннем этапе было, как мне представляется, установление факта сводимости предложений из текстов (или по крайней мере их грамматических основ) к схемам заданного образца, – к графам типа "дерево".

Универсальности этих приемов моделирования соответствовала малая эффективность моделей в решении конкретных исследовательских задач. Легко позволяя описывать элементарные синтаксические объекты (и ВЫДЕЛЯТЬ такие объекты), модели этого класса оставались слепками с речевых произведений; они не обеспечивали того уровня абстракции и обобщения, который позволил бы за речевым построением увидеть и осознать его "языковой прообраз". Они не ставили задачи установления системы синтаксических форм

языка и не могли стать надежной опорой в решении такой задачи.

Чтобы стать продуктивным приемом в исследованиях синтаксиса, моделирование должно было вписаться в систему лингвистических понятий и представлений, а это значило существенно изменить ориентацию поиска и поставить задачу отображения не речевых явлений, а языковых сущностей.

В советском языкознании первым вступил на этот путь Т.П. Ломтев, идеи которого тогда, в 50-е гг., в силу разных причин подхвачены не были. Только в 70-е гг. начинается систематическая работа над моделированием русских предложений. Решительный шаг в этом новом направлении сделала Н.Ю. Шведова. Она поставила этот исследовательский прием на службу задачам синтаксического описания предложения.

Переход к пониманию предложения как факта языка, а не явления речи, выдвигает в качестве весьма актуальной задачи инвентаризацию предложений каждого языка, составление закрытого списка моделей. А это быстро потребовало уточнения представления о самом предложении как факте языка.

Н.Ю. Шведова в своей практике моделирования исходила из представления о том, что суть предложения сводима к его предикативной основе. Теперь это представление подвергается обоснованной критике, но как первый шаг на этом пути его нужно признать по меньшей мере рациональным. Конечно, теперь ясно видим, что, сводя предложение к предикативному узлу, мы во многих случаях теряем то самое "качество предложения", которое хотим моделировать, — это показали уже сами модели Н.Ю. Шведовой. Но в основе, "в фундаменте" системы предложений каждого языка действительно лежит система предикативных узлов.

В концепции Н.Ю. Шведовой структурная модель (схема) предложения сводится к минимуму, трактуемому как предикативная основа. Понятие предикативного минимума, к сожалению, не было определено или истолковано автором, но, поскольку предикативные основы экстраполируются в формулах, можно заключить, что для Н.Ю. Шведовой предикативная основа включает в себя не только традиционные главные члены (т.е. подлежащие, сказуемые и главные члены односоставных предложений), но также некоторые именные компоненты, которые можно назвать аналогами или заместителями подле-

жащего в односоставных структурах /I, с. 546 - 577/, /2, с. 92 - 98/.

Недостаточность такого представления о предложении отмечали многие синтаксисты, противопоставляя понятию "предикативного минимума" понятие "номинативного минимума предложения". Конкретная разработка этого альтернативного представления на материале русского языка принадлежит В.А. Белошапковой, которая сделала новый шаг в теории и практике моделирования предложений /3, с. 437 - 454/; /4, с. 632 - 657/. В этой новой концепции предложение выступает уже как предикативная ФОРМА, наделенная СМЫСЛОМ, т.е. как ЗНАК ЯЗЫКА. Правда, мысль о знаковой сущности предложения не формулируется отчетливо, хотя легко выводится как заключение. Автор не использует и понятия "модель", предпочитая говорить о "структурных схемах" предложений.

Понимание предложения как знака ставит на повестку дня проблему выявления и фиксации эмических сущностей этого ранга применительно к каждому языку и исследования системных отношений между выявленными единицами. Применительно же к сопоставительно-типологическим исследованиям синтаксиса за этим просматривается проблема соотношения между системами, которые будут получены для разных языков.

На материале разных языков нашей страны, в том числе и урало-алтайских, которые являются непосредственным предметом нашего интереса, в 70 - 80-е гг. были выполнены исследования, результатом которых явились полные или частичные списки моделей предложений эстонского /5/, кабардино-балкарского /6/, мокшанского /7/, хантыйского /8/, алтайского /9/, уйгурского /10/, мансийского /11/ языков.

Сравнивая эти списки, легко убедиться, во-первых, в том, что все эти работы ориентированы на понимание предложения как номинативной единицы, имеющей определенный пропозитивный смысл. Все авторы понимают предложение как осмысленную синтаксическую форму, и потому никто из исследователей, работающих с эмпирическим материалом, не ограничивает формальную структуру предложения предикативным минимумом. Все включают в структурную схему и актанты, т.е. имена тех предметных участников, которые определяют собой "лицо" пропозиции, позволяют противопоставлять пропозиции друг другу.

Во-вторых, количество моделей в разных языках при таком подходе оказывается хотя и не идентичным, однако сопоставимым и лежащим в том же диапазоне, что и число фонем в языках мира: несколько десятков.

В-третьих, все известные нам списки моделей (структурных схем) предложений свидетельствуют о существовании разнообразных системных связей между элементами; связи эти еще подлежат осмыслению и исследованию.

В-четвертых, многие модели (структурные схемы) предложений разных языков, представленные формулами, воспринимаются как сходные или, лучше сказать, как соответствующие друг другу и семантически и формально. Но формальное подобие, сопоставимость, сходство, — отношения, которые кажутся очевидными на интуитивном уровне, требуют теоретического осмысления и оценки. Напомню о тех же трудностях, которые связывались с фонемами в процессе конструирования системных представлений об этой стороне языков.

Разные языки располагают разными грамматическими категориями, которые активно используются при порождении предложений. Особого внимания под этим углом зрения требует категория залога (или, точнее, система форм, способов выражения залоговых отношений) и категория падежа.

От того, как организована система форм залогового характера, зависит, под какими углами зрения может быть "повернута"; осмыслена и представлена в данном языке ситуация — денотат, а способы организации залоговых систем в языках весьма разнообразны. Морфологические залоговые формы глаголов в алтайских языках по своим выразительным возможностям существенно отличаются от русских страдательных форм, как причастных, так и финитных; и те, и другие еще резче отличаются от способа выражения залоговых значений с помощью форм "категории спряжения" в обско-угорских языках.

Категория падежа позволяет маркировать и дифференцировать роли предметных участников пропозиций, и потому состав падежей и их количество небезразличны для системы структурных схем языка. Возможности различения форм предложения, структурных схем, у таких языков, как тюркские или бурятский, располагающие семью-десятью падежами, конечно, больше, чем у хантыйского, где всего по три падежа у существительных и местоимений.

Однако известно, что при отсутствии некоторой формы ее функцию берет на себя какая-то другая, становясь функционально более нагруженной. А такая полифункциональность форм не может не накладываться печати своеобразия на систему моделей в целом. Поэтому число падежей и их конкретный состав — это важный КАЧЕСТВЕННЫЙ параметр системы предложений каждого языка. Он многое может предсказать относительно специфики отношений между элементами данной системы.

Анализ материалов показывает, что хотя функциональные роли предметных участников пропозиций и маркируются формами падежей, однако соотношение между определенным падежом и определенной ролью (позицией в структурной схеме модели) отнюдь не однозначное. Мне уже приходилось говорить об этом в связи с очень четкой ролью прямого объекта. В большинстве языков, с которыми мы работаем, эту роль обслуживает отнюдь не одна падежная форма, но целые серии падежей, которые дифференцируют эту роль, не разрушая ее лингвистического единства, фиксируемого понятием "прямое дополнение". Так, в якутском языке пять падежей в числе своих функций имеют и эту (см. /12/). Еще гораздо более пестрые множества форм обслуживают позиции локальных актантов в моделях предложений с предикатами местонахождения и движения, и одна из интересных перспективных задач — проследить за дифференциацией функций разных форм в языках, где есть такие падежи, как местный и направлятельный или дательный-местный, или дательный-направлятельный.

Очень полезным и важным в работе с моделями предложений может стать введенное Х. Рятсепом /5/ понятие классов словоформ, эквивалентных относительно определенной позиции компонента модели.

Из всего сказанного следует, что ни структурно "похожие", ни функционально подобные структурные схемы предложений разных языков нельзя сопоставлять непосредственно, без обращения к тому пропозитивному содержанию, синтаксическому смыслу, который они в данном языке облачают. Но синтаксический смысл модели не лежит на поверхности, не дается нам в прямом наблюдении; к нему нужно идти с помощью тех же, в принципе, методов и приемов, которые помогают лексикологам анализировать смыслы лексических единиц языка, слов. А пока смысловую сторону каждой модели элементарного предложения мы будем представлять себе как обобщенное

отражение некоторого класса ситуаций (событий или "положений дел"). Каждый синтаксический смысл в системе данного языка определяется и противопоставляется другим смыслам по составу предметных участников, необходимых для реализации предсказуемого признака.

Содержание конкретного предложения, структурные позиции которого замещены конкретными словоформами: Дети играют во дворе; Собака спит возле своей конуры; Перед моим окном расцвела сирень, — называют пропозицией. Тот инвариантный синтаксический смысл, который объединяет эти три пропозиции и бесконечное множество других, построенных в соответствии со схемой {Кто/что — где — V (lok)}, можно назвать обобщенной пропозицией. Обобщенную пропозицию, связанную с данной схемой, можно охарактеризовать как "пропозицию локализации предмета".

Единство обобщенной пропозиции (синтаксического смысла) и структурной схемы (формы) и есть в нашем понимании МОДЕЛЬ предложения как особого ЗНАКА языка.

В свете сказанного интересно было бы обсудить вопрос о варьировании модели без нарушения ее тождества самой себе (как в плане выражения, так и в плане содержания) и о системных, в частности, синонимических отношениях между моделями, признаваемых разными.

Рассмотрим под этим углом зрения модель, выражающую обобщенную пропозицию КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТА через его вхождение в определенный КЛАСС (или род). В изучаемых нами языках она воплощается в нескольких структурных схемах. Основной является структурная схема, присущая и русскому, и всем алтайским и уральским языкам:

{N=1 — N=1 (cop)}.

Например: рус. Эта рыба — налим; алт. Мениң үредүчим — Маяковский (Адаров) — Мой учитель — Маяковский; Мен областной больницаның стоматологический, жартап айдар болзо, тиш эмдеер облүгининг заведүүщиси — (Укачин) — Я заведующая стоматологическим или, яснее сказать, зуболечебным отделением областной больницы. Бурят.: Чингиз хаанай хугушэн эхэн хори бурядай ба-саган байхан (Батоев) — Старушка—мать Чингиз—хана была хори-

буряткой; Хант.: Ма эвем няврам ванл'таты нэ — Моя дочь учительница (букв. детей учащая женщина).

В некоторых алтайских и уральских языках та же пропозиция воплощается и в бессвязочной структурной схеме {N=1 — N/fin/}, где имя-сказуемое принимает показатели лица. Например, бурят.: Зай, хада бу айл даа. Ямар шандаган шэнги амитам=ши (Батоев) — Ну, не бойся. (Ты) как заяц (букв. Какое зайцу подобное существо=ты); казах.: Мен берининг белтирігі=мін — Я сын волка.

В некоторых языках есть и такая структурная схема, где предикативное имя принимает не только показатель лица, но и показатель времени. Например, в ненецком: nentc=a=pm — я человек, nenes=a=βam=z — я был человек(ом); a= — соединительный гласный основы, βam / βam — показатель I л. ед. ч., =z — показатель прошедшего времени.

В русском используется и другая структурная схема (или вариант): {N =I — (cop) N =5} — Я стал, был, буду учителем. Творительный падеж связан с идеей переходящего характера принадлежности родообразующего признака данному лицу или предмету: В настоящее время он является депутатом парламента. Ср. однако: Сейчас он депутат парламента. В хантыйском языке местно-творительный, один из трех падежей этой системы, тоже используется как падеж предикатива, но здесь он еще более четко связан с идеей становления квалификационного признака. Например: Муң кэртэв хурамаң вош=а йилд — Наш поселок красивым город=ом станет (вош=а — м.—тв. падеж).

Такая семантическая специфика дает основание считать эту схему представляющей другую модель; но возможно альтернативное решение: учитывая "оттеночный" характер этой семантики, отсутствие или слабость контраста (Пушкин был поэт : Пушкин был поэтом), можно в обоих языках отождествить эти две схемы как варианты и говорить об одной модели с именительным (основным, неопределенным) или творительным падежом предикативного имени.

В зависимости от типового лексического наполнения этих структурных схем происходит семантическое "расщепление" данной обобщенной пропозиции на несколько вариантов.

1) Основной вариант, выражающий родо-видовые отношения в собственном смысле, представляют предложения типа "Карп — рыба". Но в естественной разговорной речи гораздо чаще под родовую категорию подводится не видовое понятие, а отдельный предмет или

группа предметов (лиц). Например, алт.: Мен албаты ўредүзиниң системазынаң ишчизи (Укачин) – Я работник системы народного образования. Ол тушта мен... мен эмес болгом! (Укачин) – В тот момент я... не я была! хант.: Там Женяен ай пух вэс – Этот Женя был маленький мальчик; манс.: 8 марта – тыхо:тал э:кват яныг ялпынг хо:тал – 8 марта – большой женский праздник. (Здесь и ниже мансийские примеры даны по статье Скрибник, 1990; долготу гласных обозначаем двоеточием после буквы).

Частные значения внутри этого основного типа – идентификация (рус. – Москва – столица СССР, алт. – Былар Семен Крюков ло Алексей Тыдыков эмгир! – Это (букв. эти) Семен Крюков и Алексей Тыдыков, оказывается!); именование (алт. Онын ады-юлы Тодошева Анна Кармановна – Ее имя – Тодошева Анна Кармановна), первичная номинация (алт. Бу бис үч нөкөр керегинде бичик (Адаров) – Это – о нас, трех друзьях, письмо).

Подобные мелкие вариации смысла заведомо не затрагивают существа пропозиции.

2) По тем же самым схемам могут строиться и такие предложения, смысл которых не в том, чтобы включить объект $N=I$ в некоторый заранее известный класс, названный предикативным именем, но в том, чтобы дать референту подлежащего $N=I$ качественную характеристику, выраженную определением этого имени. Например, алт.: Сок јангыс оромы узун ла ыраак неме опкош (Укачин) – Единственная улица=его (поселка) длинная и (как бы) далекая "вещь"; хант.: Наң хуты нел'аң хэ – Ты же жадный мужчина.

Такие предложения, классификационные по форме, но по содержанию квалифицирующие и оценивающие, в зависимости от семантики слова, определяющего предикативное существительное, распределяются по нескольким группам.

А) Квалифицирующие предложения (дающие качественную характеристику $N=I$. Например, алт.: Ол оору кижы – Он большой человек; Учн-учында Освенцимнин кижы өлтүрер тамзынаң чыккан кижы мен (Укачин) – В конце концов из Освенцимского лагеря смерти вышедший человек я; Күүк ай – алтай кижининг өзөк-буурына эң јылу ла кару ай (Укачин) – Месяц кукушки (май) душе алтайца самый приятный и дорогой месяц; Күүктер – тууларда јүретен куштар (Укачин) – Кукушки – в горах живущие птицы.

Ср. также: Ол ўредүчи кижы, эмди декретте кижы (Каинчин) – Она учитель-человек (или учащий человек), теперь в декрете че-

ловек; Бис экү – нөкөрлөр улус – Мы двое – друзья (букв. друзья-люди); здесь тоже предикативное имя имеет определение, но это не прилагательное, а его субстантивный эквивалент, выражающий суть характеристики.

Построенные по модели включения в класс, эти фразы, как видим, не несут новой информации о принадлежности лица, предмета или общего представления к классу, называемому предикативным именем: она известна изначально. Новое здесь – именно качество, выраженное определениями к предикатным существительным (кижи, улус куш, ай). Подобные фразы можно было бы привести в немалом количестве и из других языков, но их положение, статус в разных языковых системах не одинаков: одни языки избегают таких повторов, другие даже требуют их в определенных случаях, заслуживающих внимания.

Качественная характеристика, выражаемая с помощью этой субстантивно-атрибутивной модели, отличается от качественной характеристики с помощью адъективной модели $\{N=I - A(\text{cop})\}$, с предикатом-прилагательным. Адъективная модель непосредственно выражает качество предмета, тогда как субстантивно-атрибутивная модель определяет особое МЕСТО предмета в КЛАССЕ N , формируя внутри него подкласс AN . Главная семантическая нагрузка падает в этом случае на прилагательное, определяющее предикативное имя, тогда как роль самого этого имени приближается к местоименной "подставке", на которую крепятся качественные, оценочные и подобные характеристики.

Таким образом, рассматриваемая субстантивная модель вступает в конкурентные, синонимические отношения с адъективной моделью, которая непосредственно выражает пропозицию качественной характеристики. У каждой из них свои возможности, свои особенности в выражении общего смысла. Сравним:

Алт.: (1) Тамара Эртегиче јалакай та кару болгон – Тамара к Эртечи была ласковая и милая; и (2): Тамара јалакай та кару кижы болгон – Тамара была ласковый и милый человек; хант. Јув шенк самаң ханнэхэ вэс – (1) Он сердечный человек был; и (2) Јув ханнэхэ пел'а шенк самаң вэс – Она к людям сердечная была.

Синонимические отношения устанавливаются между адъективной моделью $\{N=I - A(\text{cop})\}$ и атрибутивным вариантом субстантивной модели $\{N=I - (A)N-I(\text{cop})\}$.

От предложений качественной характеристики несколько отличаются по смыслу предложения, выражающие оценочные суждения. Например, в алтайском: Бу јалакай, јакшы кыс, јакшы нөкөр (Адаров) – Это мягкая, хорошая девушка, хороший друг; Лазарь јымжак јүректү кизи (Адаров) – Лазарь мягкосердечный человек; Алтай албаты тымк, јобош, јалакай албаты – Алтайский народ тихий, скромный, мягкий народ; Арова андый да озочыл кизи эмес... Ол өчөш лө өчтү кизи, шокчыл! – Арова (вовсе) не такой передовой человек... Она зловредный, мстительный человек, вредитель. Хант.: Моньс похатур хон – вевтам хон – Сказочный царь-богатырь – плохой царь.

Здесь, конечно, перед нами не столько качественная характеристика, сколько оценка, однозначно положительная или отрицательная, вынесенная по определенной шкале. По-русски оценка естественно выражается при помощи не только оценочных прилагательных (хороший, плохой, ленивый, глупый, красивый, безобразный и т.п., в полной или краткой формах), но и экспрессивных существительных: Миша ужасный лентяй; Верочка умница, отличница; Тетя Маша настоящая сплетница; Твой рассказ – сплошная нелепица и т.п. В алтайских языках такого типа существительных крайне мало. А при оценочных прилагательных, по нашим наблюдениям, существительные появляются нередко. Однако оценку по разным шкалам (общей оценки, эстетической, этической, логической и др.), как и качественную характеристику, можно выразить и без субстантивной опоры, посредством адективов. Закономерности, определяющие выбор между этими формами, еще предстоит исследовать. Здесь может играть определенную роль и семантика подлежащего, – принадлежность его к классу лиц (людей), вещей и др. т.п. и наличие каких-либо заключительных связочных элементов (например: Бис кандый тенок болгоньбыс! (Укачин) – Какие мы глупые были! (не "дураки"); Сенин кызыкчактарынын адь-јолдору сүрекей јараш эмтир (Укачин) – Твоих дочек имена очень красивые, оказывается) и другие моменты.

Однако надо сказать, что специальной модели, выражающей оценку, ни в русском, ни в алтайских, ни в уральских языках пока не обнаружено. Поэтому нет оснований для противопоставления оценочного варианта качественно-характеристическому.

Б) Предложения, выражающие отношения. Например, алт.: Мен энемнин сок јаньс уулы – Я моей матери единственный сын; Слер

бистин билебистин кижизи – Вы член нашей семьи (букв. нашей семьи человек); Кылјодо менин нөкөрим (Укачин) – Кылдьодо – мой друг. Хант.: Там л'акм – ма л'аймем – Этот топор – мой топор; Там наң эвен – Это твоя дочь.

В этих предложениях выражается не родовая принадлежность и не качественная характеристика, а отношение, в частности – отношение принадлежности, которое, понятно, не сводится к отношениям типа собственности, обладания; скорее, это отношения типа актуальной связи между двумя людьми или предметами.

В изучаемых нами языках есть специальные модели, выражающие пропозицию принадлежности. Такова, например, в тюркских языках модель, которую в алтайском представляет формула $\{N = I - N = \text{=ийи (cop)}\}$: Бу бичик – менин 'Эта книга – моя'. Эта модель имеет функциональные аналоги в тувинском, казахском и других тюркских языках, но морфологически они отличны. Обобщенно можно было бы представить ее сказуемое символом $[N/P\text{top} = \text{poss (cop)}]$, т.е. посессивные формы существительных или местоимений. Ср. также осложненный, "посессивно-компаративный" вариант: А көстөринин өни энезиндийи – А цвет глаз=его как материнский (как (у) матери), где предикатив имеет структуру эне=зин=дийи – мать=его=как=ее.

Ту же семантику передает и модель $\{N = I - N = 2(\text{cop})\}$: Бу бичик менин – Эта книга моя. Бу тон энемнин болгон – Эта шуба была моей матери. Еще один шаг приведет нас к фразам типа алт. Бу бичик – менин бичигим – Эта книга – моя книга; хант. Там л'акм – ма л'аймем – Тот топор – мой топор, которые построены по модели-деривату от $\{N = I - N = I (\text{cop})\}$. В позиции предикативного имени здесь выступает посессивная группа (изафетное сочетание), первый член которой в большинстве тюркских языков принимает форму родительного падежа, а в языках, где генитива нет, выступает в основном падеже.

Отношения синонимии усматриваются между этими моделями, с одной стороны, и вариантом рассматриваемой субстантивной модели – с другой. Системные отношения другого типа связывают этот вариант субстантивной модели $\{N = I - N = 2 - N = I / \text{посс. афф.}/(\text{cop})\}$ с другой моделью или вариантом модели, – сравним, например, фразы типа рус. Он МОЙ брат и Он МНЕ брат, она тебе родная тетка, он мне лютый враг, она мне как мать и т.п., алт. Ол менин јакшы нөкөрим болгон – Он был мой хороший друг – мой –

и Ол МЕНЕ јакшы нөкөр болгон - Он был мне хороший друг.

В) Предложения, выражающие возрастную характеристику. Например, алт.: Алгыйчы... јирме беш јашту... келин болгон эмей (Укачин) - Алгыйчы ведь была двадцатипятилетняя... женщина. Здесь, как видим, тоже используется модель $\{N=I \quad N=I \text{ (cop)}\}$. Во многих языках пропозиция возрастной характеристики имеет свои модели (или варианты моделей), напр. рус. - Ему сорок лет; Ей нет двадцати; Он человек лет сорока. Между этими возможностями - отношения квазисинонимии: каждый способ выражения вносит в содержание свой угол зрения, свою проекцию. Ср. в алтайском: Сергей Маркитанов ол тушта јук ле он јети јаш-ту (Укачин) - Сергей Маркитанов в это время около 17 лет=имеющий; Кеденов Марат ол тушта, байла, јирме - јирме бир јашту болор (Укачин) - Кеденов Марат тогда, наверное, 20 - 21 год=имеющий; эти фразы построены по структурной схеме $\{N=I - [\text{числит.} + \text{ЈАШ-ТУ (cop)}]\}$. В тувинской модели за числительным следует форма ХАР=ЛЫГ + личная энклитика, напр.: Мен чээрби хар=лыг мен - Мне 20 лет (букв. 'Я 20 снегов=имеющий'); Ср.: Хеймер-оол 1950 чылда беш харлыг уруг болгон - Хеймер-оол в 1950 году был пяти-летним ребенком.

Возможность выразить возраст без опоры на предикатное имя позволяет выделить соответствующий функционально-семантический вариант субстантивной модели. Однако пока неясно, не является ли структурная схема $\{N=I - \text{Тн=ту (cop)}\}$ (и ее аналоги в других тюркских языках Сибири) лишь "усеченным" структурным вариантом рассматриваемой нами субстантивной модели.

Говоря о вариантах модели, я исходила из того, что обобщенные пропозиции, синтаксические смыслы по самой своей природе связаны с определенными типами структурных схем определенного языка. Обобщенная пропозиция и есть внутренняя сторона модели. Только в единстве с внешней, формальной стороной она конституирует языковой знак как объект моделирования. Поэтому наличие в системе каждого данного языка другой модели, синонимичной данной в какой-то (формально различимой) части ее реализаций, может быть критерием выделения соответствующего семантического варианта первой модели. Если один тип ситуаций действительности оказывается в том или ином языке денотатом двух пропозиций, связанных с разными структурными схемами, причем одна из этих

схем связана еще с какими-то пропозициями, с которыми другая не связана, это является основанием для выделения варианта в рамках первой модели. С сопоставительно-типологической точки зрения не меньший интерес представляет и наличие параллельной структурной схемы для данной пропозиции не в этом, а в другом языке.

ж ж ж

Рассмотрим теперь на примере другой группы моделей уже наметившийся вопрос о возможностях разной интерпретации отношений между структурными схемами, за которыми стоят существенно сходные, близкие пропозиции. Обратимся к структурным схемам, выражающим ПРОПОЗИЦИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ. Во всех изучаемых нами языках таких схем не менее трех.

1) Первая структурная схема этой группы -

Символ $Llok$, $\{N=1 - Llok \text{ (cop)}\}$, подразумевающий знаменательный компонент именного сказуемого, выбран нами в связи с тем, что эту позицию модели трудно определить символом какой-то одной грамматической формы. Ее сущность - грамматическая семантика локализации. Выражается она разнообразными формами. Структурно-семантическим требованиям этой позиции удовлетворяет неоднородный с формальной точки зрения класс форм, эквивалентных относительно данной позиции. Здесь возможны и правомерны прежде всего формы местного падежа, если они есть в языке. Так, в тюркских языках это пятый падеж в парадигме ($N=5$); однако в некоторых языках, например, в тувинском, где есть особый направительный падеж, функции падежа местонахождения может выражать и дательный. В бурятском местное значение передается формами дательно-местного падежа ($N=3$); в эвенкийском, при наличии местного падежа, основным выразителем локального значения тоже является дательный; в хантыйском это местно-творительный падеж, тоже третий в парадигме. Все это падежи, выражающие локализацию, местонахождение предмета, его наличие где-то. В современном русском местного падежа нет, это значение всегда передается с помощью предлогов, круг которых широк: в доме, за домом, под крыльцом, над столом,

рядом с памятником, вдоль забора и т.д. В алтайских и уральских языках это значение также нередко передается с помощью послелогов или служебных имен. Символ $L\ lok$ подразумевает все эти формы, а также и наречия места, отвечающие на вопрос "где". Это символ эквивалентного класса форм с локальной семантикой.

Приведем примеры фраз этой модели. Алт.: Колын=да уур чөмөдэн (Адаров) – В руках=у=него тяжелый чемодан; Ол тушта јаан да, кичинек та станциялар=да – базар (Адаров) – В то время на большой ли, на маленькой ли станции – базар; Оттын јанын=да Топшок деп атту карган брөкбөн (Адаров) – Возле огня – старик по имени Топшок (здесь в форме местного падежа стоит служебное имя јанында). Бурят.: Колхозхоо хойшо – Сэрэг Нарган (Батоев) – К северу от колхоза – Сэрэг Нарган. Хант.: Тутъяхл'ан сохал' хот сайн – Дрова за сараем; Л'этулт'ан пасанан шитл'ат – Пища (мн. ч.) будет на столе; Л'ув сята вас – Он был там; Манс.: Омам катыт, анкем катыт выгыр каттуп – У мамы в руке красное весло; Тан кат=аныл=т саккон – В их руках закон; Ма опанум, сясянум олдэ ма тыт – Родина моих предков здесь; Ма:n Лу:i ма:вт са:v во:r о:лы – На нашем Севере много лесов; У:сыт I20 котельныйт, газ атим – В городе I20 котельных, газа нет.

2) Вторая схема – $\{N=I\ N=5\ бар/јок (сop)\}$.

Туркским предикатам бар/јок в русском соответствуют предикаты ЕСТЬ и НЕТ; их можно назвать предикатами НАЛИЧИЯ. Поэтому и пропозицию, которая соответствует этой структурной схеме, можно назвать "пропозицией наличия". Предикаты БАР, ЕСТЬ выражают наличие некоторого предмета где-то или у кого-то, ЈОК и НЕТ – отсутствие предмета где-то или у кого-то. В алтайских языках значения 'где' и 'у кого' передаются формально одинаково. В отличие от русского, "идея отсутствия" в алтайских и уральских языках не связана с генитивным преобразованием формы имени первого участника ситуации, – это имя остается в форме $N=I$.

Приведем примеры. Алт.: Колын=да мылтык јок – В руках у него (букв. в руке=его) ружья нет; Төрт трактордо запчасть јок – У четырех тракторов запчастей нет; Ак-јарык=та кандый јараш улус бар! (Адаров) – На белом свете какие красивые люди есть! јүрегим=де кандый да амыр јок (Адаров) – В сердце=моем как-то беспокойно, букв. – Какого-то покоя нет; Томоноктор јаныс да суунын јарадын=да јок – Комаров только на берегу реки нет;

А эмди онын санаазында не бар? – А теперь в его мыслях=его что есть? Алдыс=та јүрүмис эмди де бар (Адаров) – Перед нами еще есть жизнь; Сен=де бош ой бар ба? – У тебя свободное время есть?

Сравнивая общее значение фраз, построенных по этой модели, с семантикой фраз, приведенных выше, можно почувствовать как существенную общность их смыслов, так и некоторые специфические оттенки каждой из этих групп. Если здесь можно говорить о НАЛИЧИИ предмета в каком-то месте, то в группе фраз, построенных по первой модели, идет речь о МЕСТОНАХОЖДЕНИИ предмета.

3) Третья схема – $\{N=I - L\ lok - V\ fin\ (местонахождения)\}$.

Эта схема отличается от предыдущих вхождением глагольного предиката. Символ $V\ fin$, заменяя собой связку, создает впечатление "свободной переменной" в этой позиции. Конечно, эта схема действительно несколько расширяет возможности семантического варьирования предикатов модели, диапазон ее действия. Однако границы того множества глаголов, которые конституируют эту модель, остаются достаточно узкими. Далеко не все глаголы, которые сочетаются с локальными уточнителями, требуют при себе локальных уточнителей в качестве необходимых компонентов модели. С этой точки зрения сопоставительный подход может оказаться полезным: было бы интересно выявить состав предикатов именно этой модели на материале разных языков.

Предварительные наблюдения говорят, как будто, что круг предикатов местонахождения невелик и в разных языках сохраняет семантическое единообразие. Это, во-первых, глаголы "чистого" местонахождения: рус. находиться, пребывать, оставаться; во-вторых, глаголы местонахождения, семантика которых осложнена модально-фазовыми компонентами, как, например, рус. оказаться, появиться, возникнуть, остаться; в-третьих, глаголы положения в пространстве: стоять, лежать, сидеть, висеть и подобные, в семантике которых присутствует компонент 'местопребывание' ('пребывать, будучи в определенном положении': Твое пальто висело в коридоре); в-четвертых, в этот класс входят и некоторые глаголы и ЛСВ ненаправленного движения: ходить, бродить, прогуливаться, ползать, бегать и т.п., семантику которых можно представить как 'пребывать, будучи в движении' (Дети бегают во дворе); в-пятых, это глаголы и ЛСВ глаголов типа жить, обитать, гнездиться, селиться, расти, спать; примыкают к ним глаголы типа работать, трудиться, учиться, заниматься, играть, или жариться, вариться,

сохнуть, мокнуть, гнить и т.п. - т.е. 'пробывать где-то, находясь в определенном состоянии или в стабильном процессе некоторой деятельности, функционируя определенным, естественным образом'.

Проиллюстрируем реализации этой модели на материале разных языков.

Алт.: Казанский вокзал=да турум - Я нахожусь на Казанском вокзале; Бис национальный школ=да үренгенис - Мы в национальной школе учились; Уулыг Москва=да үренип јат - Твой сын в Москве учится; Кара казан=да эт кайнап турган болгодый - В черном казане мясо, должно быть, варится.

Хакас.: Читтер аалда хынып халчалар - Молодые охотно остаются в селе; Мында чон хачан даа чуртаан, истенген - Здесь народ всегда жил, трущился; Колхоз=та сагам кичиг палалар ла паза апсах-орекеннер ле тоҕынчалар - Сейчас в колхозе только старики и дети работают; Мин пу тоҕыс=та 15 чыл истеп салдым - Я на этой работе 15 лет проработал; Валя Кызылчар=да имчилер тимнчеен училищ=де угренген - Валя в Красноярске в медицинском училище училась; Сабыс хойыг чир=де хармахтап одырган - Сабыс в густом лесу сидел рыбачил; Чылдан чылга картофель пір ле орында салдыча - Из года в год картофель на одном месте сажается.

Хант.: Муң анкем хуся хол'сув - Мы ночевали у моей мамы; Там киншкаем пасанан ул', там анэм нурумн омасл' - Эта книга=моя на столе лежит, эта чашка=моя на полке стоит; Пал'таен карл'унгн теийл' - Пальто=твое на гвозде висит; Амдем питар хуся вэл' - Собака=моя у соседа живет; Там тулх сумат илийин энмал' - Этот гриб под березой растет.

Манс.: Ти посим сяхыл кит оссамыг лю:ле:г - В этом облаке дыма два глупца стоят.

Предикатом именно этой модели, как мне кажется, глагол остается лишь до тех пор, пока в его семантике компонент 'пробывание' остается доминирующим, центральным, "закрываая" другие возможные валентности слова, кроме локальной. Только такие предикаты действительно ТРЕБУЮТ для реализации своей семантики локального распространителя, семантически согласуются с ним. Сравним: Марина работает в школе (локальный распространитель - компонент модели) и Марина много работает с отстающими учениками (в таком употреблении этот глагол не нуждается в пространственном распространителе). Есть очень много глаголов, которые

свободно допускают такой распространитель, но не требуют его, и потому он остается внemodelным компонентом высказывания.

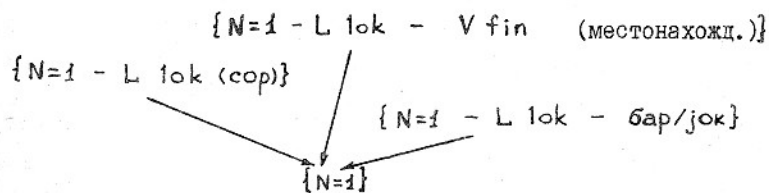
4) Четвертая модель, которую я включаю в эту группу, обычно представляется формулой $\{N=I\}$ и понимается как односоставное номинативное предложение, которое в силу грамматического своеобразия занимает в общей системе особое место. С моей точки зрения, она органически входит в обсуждаемый сейчас ряд и представляет собой результат закономерного, в соответствии с общими принципами организации речи, свертывания уже рассмотренных структурных схем до абсолютного минимума. Мне кажется разумным интерпретировать эту схему как производную от уже рассмотренных.

В структурной схеме $\{N=I\}$ из плана выражения устраняется именно локализатор, т.е. тот компонент, который, по идее, и должен быть общим для всех схем, составляющих эту группу. Однако в плане содержания модели, в ее пропозиции этот семантический компонент обязательно присутствует наряду с темпоральным, причем присутствует как КОНСТАНТА: $\{N=I\}$ - значит, ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Именно это и позволяет ему отсутствовать.

Эта схема своим содержанием имеет утверждение о том, что $N=I$ есть в наличии ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Именно это и выражается лакуной в позиции предиката.

Отношения между рассмотренными моделями можно представить следующей схемой:

Схема № I

Далее можно поставить вопрос: действительно ли перед нами "семейство моделей", имеющих "родственную" структуру и родственные смыслы - или правильнее говорить об одной модели и ее вариантах? Этот вопрос выглядит понятийно-терминологическим, а не сущностным; но понятийно-терминологический аспект в исследовании тоже очень важен; от того, как он решается, зависит логика поиска и характер выводов.

С моей точки зрения, кажется целесообразным говорить все-таки о четырех разных моделях, которые образуют синонимический ряд; помимо смысловой близости, их связывает и формальное сходство. Если временно отвлечься от структурной схемы $\{N=I\}$, то структурный инвариант здесь - $\{N=I - L(lok)\}$ плюс предикат, который семантически варьирует между чистой идеей бытия - пребывания, выражаемой нулем или бытийным глаголом (исчезновение в настоящем времени индикатива сближает его со связкой) и сложными семантическими комплексами, где идея пребывания "обрастает" многими дополнительными смыслами, обогащающими и конкретизирующими ее. Однако во всех фразах, реализующих эту модель, включая и фразы с глагольными предикатами, центральной, первоначально значимой остается идея локализации предмета (или, метафорически, абстрактного представления, мысли, чувства и др.).

Такие отношения между схемами позволяют наметить "над ними" обобщающее представление, которое можно назвать ГИПЕРМОДЕЛЬЮ ЛОКАЛИЗАЦИИ.

ж ж ж

Таким образом, рассмотрев на ограниченном, относительно простом материале модели предложений, можно сказать, что эти модели, как и другие языковые сущности, варьируют в плане выражения и содержания, сохраняя тождество самим себе, и вступают в системные отношения с другими единицами своего класса. Но в вопросе о границах варьирования, о рамках, в которых варьирующие сущности меняются, оставаясь самими собой, пока остается много неясного.

Проведенный анализ показал, что идея локализации предмета успешно реализуется в нескольких структурных схемах; сдвиги, которые при этом испытывает обобщенная пропозиция, как мне кажется, не нарушают ее тождества. То, что эти системные отношения оказались воспроизводимыми в нескольких неродственных языках, представляет интерес с нескольких точек зрения, и прежде всего потому, что открывает возможность сопоставительного анализа. Группировки такого типа, прослеживаемые на материале целой группы языков, намечаются и на некоторых других участках общей системы предложений, и это представляется заслуживающим внимания.

Библиографический список

1. Шведова Н.Ю. Структурные схемы предложений и их регулярные реализации // Грамматика русского литературного языка. М.: Изд-во Наука, 1970. С. 546 - 573.
2. Она же. Структурные схемы (типы) простых невопросительных предложений // Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Изд-во Наука, 1980. С. 92 - 98.
3. Белошапкина В.А. Структурная схема предложения // Современный русский язык: Учебник. М.: Высш. шк., 1981. С. 437, 454.
4. Она же. Структурная схема предложения // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 632 - 656.
5. Рятсеп Х.К. Структура простого предложения в эстонском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1974.
6. Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1983.
7. Кюкин Ю.С. Модели простых глагольных предложений в мокшанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1985.
8. Предложение в хантыйском языке: Метод. указания и лабораторные работы к курсу "Общее языкознание" / Сост. М.И.Черемисина, В.Н.Соловар. Новосибирск, 1990.
9. Тыбыкова А.Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Новосибирск, 1991.
10. Абдуллаев С.Н. Модальные модификации простого предложения в уйгурском языке // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990.
11. Скрибник Е.К. К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке (предложения с именным сказуемым) // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990.
12. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I. Простое предложение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 113 - 135.